

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЯН НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ОТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА К ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Баринов Э.Э.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(М. Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010)

Ссылка для цитирования: Баринов Э.Э. Конституционная культура россиян на этапе перехода от либерализации конституционно-правового пространства к защите традиционных ценностей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):24–34.
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Баринов Эмиль Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

Адрес: М. Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010

Тел.: + 7 (928) 708-64-4

E-mail: emil.barinov@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 25.04.2024

Статья принята к печати: 23.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целью* исследования является анализ состояния современной конституционной культуры в эпоху смены политических и идеологических ориентиров, перехода от либерально-универсальной модели конституционного развития к национально-ориентированной.

Задачами исследования выступают следующие: определить основные характеристики состояния конституционной культуры в эпоху излишнего увлечения универсальными либеральными ценностями в конце прошлого века; проанализировать основные тенденции процессов конституционно-правового реформирования в свете идей защиты конституционной идентичности, обеспечения конституционного суверенитета и защиты традиционных ценностей; рассмотреть влияние конституционной реформы 2020 года на качественное изменение конституционной культуры россиян, ее значение для определения дальнейших путей конституционно-правового развития России, обозначить положительные и наиболее спорные моменты реформы.

В работе использовались общенаучные, частнонаучные и специальные *методы исследования*.

По результатам проведенного исследования автор делает вывод о том, что на сегодняшний день сформировалась устойчивая тенденция к реформированию конституционно-правового пространства – идеям либеральной универсализации противопоставляются идеи конституционной идентичности и защиты традиционных ценностей. В свое время новая российская Конституция была призвана учесть все недостатки десятилетий социалистического строительства и выступить не как документ политико-декларативного характера, а как основа для создания государства и общества принципиально нового типа. По мнению автора, излишнее увлечение заимствованными ценностями универсального характера самым негативным образом сказалось на состоянии конституционной культуры россиян. Однако, и сегодня очевидно, что проработанной теоретической конструкции,

которая относительно точно и юридически определенно очертила бы основные направления дальнейшего конституционного развития, в русле развития идеи защиты традиционных ценностей, на сегодняшний день не существует, что особенно хорошо заметно на примере документов программно-политического характера. Конституционная реформа 2020 года, по мнению автора, стала отражением новых тенденций и подходов к идее обеспечения конституционной идентичности и символизировала значительные изменения в конституционной культуре, в том числе и на уровне обыденного сознания рядовых россиян, которые непосредственно были вовлечены в процесс конституционной реформы. Однако, автор делает *вывод* о незаконченности конституционной реформы, что в целом и характеризует состояние отечественной конституционной культуры.

Ключевые слова: конституционализм, конституционная идентичность, конституционная культура, конституционная реформа 2020 года, конституционное правосознание, конституционное правотворчество, конституционное судебное правотворчество, Конституция РФ, правовая культура, традиционные ценности.

CONSTITUTIONAL CULTURE OF RUSSIANS AT THE STAGE OF TRANSITION FROM LIBERALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL SPACE TO THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

Emil E. Barinov

FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
(M. Gorky str., 149, Rostov-on-Don., Russia, 344010)

Link for citation: Barinov E.E. Constitutional culture of Russians at the stage of transition from liberalization of the constitutional and legal space to the protection of traditional values. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):24–34. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

CONTACT INFORMATION:

Emil E. Barinov, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)", member of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation

Address: M. Gorky str., 149, Rostov-on-Don., Russia, 344010

Tel.: + 7 (928) 708-64-4

E-mail: emil.barinov@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 25.04.2024

The article has been accepted for publication: 23.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of the study is to analyze the state of modern constitutional culture in the era of changing political and ideological guidelines, the transition from a liberal-universal model of constitutional development to a nationally oriented one. The objectives of the study are the following: to determine the main characteristics of the state of constitutional culture in the era of excessive enthusiasm for universal liberal values at the end of the last century; analyze the main trends in the processes of constitutional and legal reform in the light of the ideas of protecting constitutional identity, ensuring constitutional sovereignty and protecting traditional values; consider the impact of the constitutional reform of 2020 on the qualitative change in the constitutional culture of Russians, its significance for determining the future paths of constitutional and legal development of Russia, and identify the positive and most controversial aspects of the reform. The work used general scientific, special scientific and special research methods. Based on the results of the study, the author concludes that today a steady trend has formed towards reforming the constitutional and legal space – the ideas of liberal universalization are opposed to the ideas of constitutional identity and the protection of traditional values. At one time, the new Russian

Constitution was designed to take into account all the shortcomings of decades of socialist construction and act not as a document of a political-declaratory nature, but as a basis for the creation of a state and society of a fundamentally new type. According to the author, excessive passion for borrowed values of a universal nature has had the most negative impact on the state of the constitutional culture of Russians. However, even today it is obvious that a well-developed theoretical structure that would relatively accurately and legally definitely outline the main directions of further constitutional development, in line with the development of the idea of protecting traditional values, does not exist today, which is especially noticeable in the example of documents of a programmatic and political nature. The constitutional reform of 2020, according to the author, reflected new trends and approaches to the idea of ensuring constitutional identity and symbolized significant changes in constitutional culture, including at the level of ordinary consciousness of ordinary Russians who were directly involved in the process of constitutional reform. However, the author concludes that the constitutional reform is incomplete, which generally characterizes the state of domestic constitutional culture.

Keywords: constitutional culture, constitutional identity, constitutional judicial law-making, constitutional law-making, constitutional legal consciousness, constitutional reform of 2020, constitutionalism, legal culture, the Constitution of the Russian Federation, traditional values.

Введение

Масштабы перемен, происходивших в России в последнее десятилетие прошлого века, невозможно переценить, как с точки зрения их влияния на общественное сознание граждан, изменения их быта и жизненного уклада, так и с точки зрения их влияния на национальную правовую систему. Отказ от традиционных идеологических и политических ценностей и установок, на протяжении почти семидесяти лет, выступавших основой для всей системы политико-правового регулирования общественных отношений, поставило политическую элиту страны перед необходимостью выработки новых политико-правовых ориентиров. Признавая важность учета изменений в правовой сфере, произошедших до декабря 1993 года, отметим, что переход к принципиально новому этапу конституционно-правового развития Российской Федерации не без оснований связывался именно с появлением на свет новой российской Конституции. Именно таким, одновременно традиционным и достаточно радикальным способом, предполагалось учредить принципиально новую систему политико-правовых отношений, которая бы в максимальной степени соответствовала основным целям и задачам дальнейшего конституционно-правового развития. Одновременно, исходя из понимания Конституции как важнейшего политико-идеологического документа, предполагалось выстроить новую систему взаимоотношений между человеком и государством, стимулировать развитие политической активности граждан, сделав их полноценными и полноправными участниками конституционно-правовых процессов. Тем самым предполагалось стимулировать развитие конституционной культуры граждан, как с точки зрения увеличения конституционно-правовых знаний, так и с точки зрения формирования, принципиально новых конституционно-правовых установок общественного сознания. Однако, как показало время, излишне идеализированное и либерализированное представление создателей основного закона страны о содержании будущей Конституции не дало в полной мере подготовить документ, который действительно отвечал бы задачам сохранения национальной идентичности, обеспечения главенства традиционных ценностей и защиты конституционного суверенитета. Изменение представлений о необходимом содержании основного закона происходило поэтапно. Идея первостепенной необходимости обеспечения правовой и конституционной идентичности начало наиболее активно формироваться в начале второго десятилетия двадцать первого века. Именно тогда наиболее остро стал вопрос о соотношении национальных и наднациональных стандартов в области защиты прав человека и возрастании «активизма межгосударственных судебных органов» [7, с. 2]. Не секрет, что необходимость разрешения «конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов» в свое время актуализировала проблему защиты и обеспечения конституционной идентичности [6, с. 54–59]. Сегодня, когда Россия не является членом Совета Европы, содержательная часть проблемы конвенционно-конституционных коллизий перешла в несколько иную плоскость, однако, нельзя не признать, что на определенном этапе именно на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ была заложена основа «новой» концепции национальной конституционно-правовой идентичности. И именно это стало необходимым конституционно-правовым базисом для формирования нового типа конституционной культуры. При этом, как отмечают исследователи, несмотря ни на что «после распада СССР Российской Федерации удалость сохранить идентичность,

связанную с традициями, языком, самобытной культурой и обычаями», что позволило «сохранить и защитить национальные интересы страны» [10, с. 7]. Последнее утверждение не исключает необходимости комплексного подхода к разработке механизма обеспечения конституционной идентичности и защиты от соответствующих рисков.

Методы исследования

При написании статьи использовались общенаучные (логический, системный, функциональный и системно-структурный), частнонаучные (культурологический, исторический, социологический и аксиологический) и специальные (формально-юридический, юридико-технический, герменевтический) методы. Нормативной правовой базой настоящего исследования выступили Конституция РФ, федеральные законы и подзаконные акты программно-стратегического характера. В качестве объекта исследования также использовались правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Результаты исследования

1. Современная Россия находится в процессе выработки новой политической, идеологической и правовой модели национальной конституционной идентичности. Излишняя идеализация универсальной либеральной модели конституционного развития, получившей свое оформление на этапе подготовки и принятия Конституции РФ 1993 года стала следствием попытки радикального отхода от советской системы публичного управления, которая к концу прошлого века продемонстрировала свою уязвимость перед вызовами новой эпохи как в экономическом, так и в идеологическом аспектах. Продолжавшийся долгие десятилетия эксперимент по созданию общества нового типа, предполагавший также особый тип социалистического правосознания, был признан неудачным. Новая российская Конституция была призвана учесть все недостатки прошлых лет и выступить не как документ политико-декларативного характера, а как основа для создания государства и общества принципиально нового типа. Однако, как показало время, излишнее увлечение заимствованными ценностями, не получившими необходимой поддержки на уровне обыденного правосознания, самым негативным образом сказалось на состоянии конституционной культуры россиян.

2. На сегодняшний день сформировалась устойчивая тенденция к реформированию конституционно-правового пространства. Идеям либеральной универсализации противопоставляются идеи конституционной идентичности и защиты традиционных ценностей. Однако, очевидно, что цельной теоретической конструкции, которая относительно точно и юридически определенно очертила бы основные направления дальнейшего конституционного развития, в том числе, с точки зрения конституционной аксиологии, у современной политической элиты нет. Базовое положение, касающееся необходимости защиты конституционного суверенитета и обеспечения конституционной безопасности, не вызывает возражений и уже давно реализуется на уровне судебного конституционного судопроизводства. Однако, необходимые для обоснования цивилизационной идентичности элементы ценностного характера и, в частности, их конституционно-правовой эквивалент, все еще находятся на стадии научной разработки. Особенно хорошо это заметно на примере документов программно-политического характера, в задачи которых входит юридическая легитимизация набора национальных традиционных ценностей, перечень которых выглядит так, будто его формировали во времена преобладания идей либерализма в конце прошлого века.

3. Долгое время в отечественной юридической науке была актуальна точка зрения о том, что современная российская Конституция, если и нуждается в некоторой коррекции, то исключительно точечной и по большей части технической, затрагивая в необходимых случаях организацию и порядок публичного управления, а не основные ценностные самобытные характеристики нашего государства и правовой системы. Собственно такие поправки в текст Конституции и вносились: сроки полномочий Президента РФ и Государственной Думы, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ, уточнение порядка формирования Совета Федерации. В остальных случаях было вполне достаточно правовых позиций Конституционного Суда РФ. Таким образом поддерживалась модель «живой» Конституции, и одновременно сохранялась достаточная стабильность конституционного текста. Однако объективно наметившийся на уровне конституционно-правовой культуры кризис национальной ценностной идентичности, потребовал достаточно масштабного вмешательства в содержание действующей Конституции РФ. Необходимость масштабной реформы все чаще обсуждалась отечественными учеными. Конституционная реформа 2020 года стала отражением новых тенденций и подходов к идее обеспечения конституционной идентичности и символизировала значительные изменения в конституционной культуре, в том числе и на уровне обыденного сознания

рядовых россиян, которые непосредственно были вовлечены в процесс конституционной реформы. Однако, реформа затронула не все главы Конституции РФ. Такая «незаконченность» конституционной реформы, на наш взгляд, олицетворяет современное состояние отечественной конституционной культуры. И если тактические успехи в деле защиты традиционных ценностей и охраны конституционного суверенитета неоспоримы, то вопросы, касающиеся стратегических целей конституционной реформы 2020 года, все еще остаются. В юридической науке сложилось устойчивое мнение, что любое конституционное реформирование должно исходить из теоретико-правовых моделей конституционного правопорядка, которые могут быть идеальными, фактическими и прогрессивными [2, с. 77–78]. Как долго будет сохраняться положительный эффект конституционной реформы покажет время. Однако уже сейчас очевидно, что полноценная и научно-теоретически обоснованная модель дальнейшего конституционно-правового развития на уровне конституционной культуры в современной России не сформировалась. Россия все еще в поиске своей конституционной идентичности и основная задача конституционно-правовой науки в этой связи помочь в выработке ее оптимальной модели, исходя из потребностей не только политической элиты, но и всех граждан России.

Научная дискуссия

Конституция не только важнейший юридический, но и главный политико-идеологический документ государства. На сегодняшний день такое понимание основного закона страны уже ни у кого не вызывает возражений. Особое внимание, которое уделялось и уделяется в этой связи политико-идеологическим свойствам Конституции не случайно. Общеизвестно, что знание конституционно-правовых предписаний – еще не гарантия их принятия, исполнения и внутреннего согласия с ними. С другой стороны, именно Конституция в отличие от остальных нормативных правовых актов государства, выступает не только в качестве документа обладающего высшей юридической силой, но и представляется документом сакральным, наделяемым в общественном сознании характеристиками далекими от исключительно формально-юридических, и, в целом, определяющими правовой дух гражданской нации, ее культурный код и традиционную систему морально-нравственных принципов и ориентиров. Не случайно в юридической науке даже получила развитие идея Конституции, как «культурного артефакта», как основы «для ее популяризации, которая является составной частью формирования прочного конституционного строя, конституционного правосознания граждан и соответствующей правовой культуры... формирования соответствующего конституционного культурного кода, который выражается в узнаваемости текста конституции» [1, с. 18–25]. Именно так подчеркивается особая сакральная значимость данного правового документа.

В этой связи согласимся с тем, что формальный подход к редактированию конституционного документа не применим. Все без исключения положения Конституции должны находиться в тесной взаимосвязи не только между собой, но и соответствовать сложившемуся уровню конституционной культуры. В истории нашего государства уже был пример не самой удачной попытки формального редактирования текста конституционных актов. Речь идет о последних конституциях СССР и РСФСР, из которых были изъяты основные идеологические и политические основы функционирования общества и государства, оставшиеся со времен строительства социализма. Однако такая формальная редакция абсолютно не соответствовала сложившимся на тот момент политическим и историческим реалиям. В итоге мы получили два полноценных конституционных кризиса. Один из них привел к прекращению существования СССР, не смотря на все имеющиеся предпосылки сохранить большую часть территорий в границах единого государства. Да и опасность потерять Россию как единое государство на тот момент также существовала вполне объективно. Другой кризис случился в 1993 году и чуть не привел к разрушению всей системы государственного управления и риску гражданской войны. Как отмечается в этой связи в юридической литературе, «одной из причин политико-конституционного кризиса было отсутствие основного правового акта, который регулировал бы все стороны общественной и государственной жизни. Устаревшая Конституция РФ не соответствовала произошедшим изменениям в стране, несмотря на попытки внесения изменений и поправок» [15, с. 212]. Принятие новой Конституции 1993 года было обязательным условием сохранения государства и обеспечения конституционного правопорядка на всей территории России.

В этой связи обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Как отмечают отдельные ученые, новая Конституция, как правило, закрепляет некоторые ретроспективные положения, которые, по сути, являются попытками задним числом решить проблемы уже ушедшего в прошлое государственного, политического, экономического и социального устройства [14, с. 6–10]. И пусть

эти проблемы продолжают оставаться актуальными, при попытке их быстрого, или даже сиюминутного конституционно-правового решения, может потеряться стратегическая ценность производимых конституционно-правовых преобразований. При некоторой спорности и дискуссионности, данная точка зрения заслуживает своего внимания. Можно привести следующие примеры, имея ввиду оригинальный текст Конституции 1993 года. Свобода экономической деятельности – чтобы люди были сытыми и одетыми, отсутствие государственной идеологии – чтобы сделать невозможной ситуацию преследования «несогласных», республики-государства – чтобы свести на нет сепаратистские настроения, тщательно проработанный механизм законодательной деятельности – от желания избежать характерных для советского государства двух систем правового регулирования, ведомственной и партийной и т. д. На самом же деле Конституция должна в первую очередь ориентироваться на будущее. Кроме того, в процессе государственного строительства должны четко осознаваться и пониматься реалии дня сегодняшнего. В противном случае можно столкнуться ситуацией, когда «работа над ошибками» придется на уже сильно изменившуюся или на откровенно чужеродную почву.

Именно в этом ключе следует воспринимать оригинальный вариант Конституции РФ 1993 года. Попытка с нуля построить либеральное, демократическое, правовое государство в четком соответствии с конституционно-правовой западноевропейской традицией (по формальным признакам хорошо себя зарекомендовавшей), по сути, происходила от желания решить старые проблемы задним числом, а не заняться разработкой сколько-нибудь новой оригинальной модели молодой российской государственности. Однако, как показало время, такой подход оказался, мягко говоря, не идеальным, а новая российская Конституция, в конечном итоге, не устроила всех. Консерваторы ругали ее за излишний либерализм, а либералы – за то, что положения Конституции не реализуются на практике. В свою очередь население России, или как минимум, большая его часть так и не смогло встроиться в достаточно жесткие рамки либеральной западноевропейской доктрины государственного строительства. И если с формальной точки зрения базовые конституционные положения особых претензий у людей не вызывали (возможно, по причине банальной конституционно-правовой неграмотности), то складывающаяся на их основе реальная система общественных отношений так и не получила своего одобрения на уровне конституционной культуры.

Отметим также, что соответствующий либеральный радикализм новой российской Конституции проявился буквально во всем. В самом названии Конституции РФ даже отсутствовало ее дополнительное определение как «Основного закона», которое присутствовало во всех без исключения советских конституциях (в 1923 году термин «Основной закон» даже стоял на первом месте, а термин Конституция приводился в скобках). Это, правда, создавало некоторые дополнительные сложности в понимании сути категории, так как термин «основные законы», например, о труде, также мог использоваться в тексте. Однако, на наш взгляд, отказ от использования в названии Конституции РФ 1993 года термина «Основной закон» символизировал именно отход от традиционного для легистской советской науки традиционного понимания Конституции исключительно как закона, что было свидетельством активного внедрения в отечественную науку естественно-правовых подходов.

В своей политико-идеологической части Конституция 1993 года также не избежала отдельных элементов либерального радикализма. Так, до сих пор не утихают споры по поводу содержания ст. 13, которая запрещает государственную идеологию. Однако, на наш взгляд, именно в этом случае следует вести речь о несовершенстве юридической техники. Ведь отказ от государственной идеологии значительным образом нивелируется категоричными конституционными положениями о том, что Россия – правовое, демократическое, республиканское и светское государство (ст. 1, 2, 14 Конституции РФ). Да и в целом, что есть глава первая Конституции РФ, если не полноценная идеологическая декларация? Как отмечается в этой связи в юридической науке, «конституция провозглашает набор ценностей, из которых складывается определенная идеология», которую можно наблюдать «в осуществляемой государством политике, сплачивающей общество и формирующей политико-культурную идентичность» [13, с. 61–69]. Таким образом, основная задача, которую ставили в этой связи авторы Конституции – не допустить преследования по исключительно политико-идеологическим мотивам, чем зачастую грешила советская правовая система. Речь идет, например, о ст. 7 «Антисоветская агитация и пропаганда» Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (в оригинальной редакции). Лишить новое российское государство идеологии – такую задачу данное конституционное положение себе явно не ставило. Однако споры по поводу ст. 13 Конституции РФ в современной

юридической науке все еще продолжают, причем учувствуют в ней не только ученые, но и представители высшей политической элиты. И если по поводу «неуместности» формулировок самой статьи определенный консенсус найден, то по поводу вопроса о том, что именно следует закрепить в качестве государственной идеологии, сложилось несколько настолько отличающихся друг от друга точек зрения (зачастую не выдерживающих сколько-нибудь серьезной критики), что говорить о каком-либо едином понимании проблемы крайне преждевременно.

Не менее активные и страстные споры сложились и вокруг ст. 2 Конституции, определяющей права и свободы человека в качестве высшей ценности. За долгое время существования данной статьи от различных ученых и представителей политической элиты можно было услышать совершенно различные теории по поводу того, что же в современной России должно выступать в качестве высшей ценности. Надо сказать, что представители науки конституционного права относятся к комментированию возможности изменения данной статьи достаточно сдержанно. И это не случайно, ведь «права и свободы как высшая ценность» – это одна из системообразующих основ конституционного правосудия, а поиск баланса между частными и публичными интересами – его основная функция. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь «поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений... определяют само содержание и основные характеристики судебного конституционализма». «Конституционный Суд РФ является уникальным публично-властным субъектом, призванным находить оптимальный баланс между высшими социальными ценностями – властью и свободой, публичными и частными интересами, защищать личность, общество и государство» [3, с. 16, 37]. При этом представители политической элиты, в том числе законодатели, не сдерживая себя соображениями юридического характера, могут предлагать в качестве высшей ценности обозначить знаменитую «уваровскую триаду» – православие, самодержавие, народность, тем самым игнорируя ряд системообразующих положений конституционного текста и сложившуюся систему публичной власти в России. Отметим в этой связи, что граф С.С. Уваров был активным сторонником идей национальной самобытности и, как сегодня принято говорить – цивилизационной идентичности, указывая на то, что Россия является особым государством, отличным от «Восточных и Западных стран» [8, с. 33]. Однако, нельзя не признать, что сегодня воззрения графа С.С. Уварова в контексте современных конституционно-правовых реалий следует признать несколько устаревшими.

Рассматривая проблему обозначения «высшей ценности» современного российского общества, нельзя не затронуть вопрос о традиционных ценностях, который сегодня является одним из наиболее обсуждаемых. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400, последние представлены путем их перечисления, без обобщающей содержательной характеристики и без какого-либо разделения на группы. В документе, который прямо заявлен, как «конкретизирующий» по отношению к данной стратегии, а именно в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809¹, содержится дословно аналогичный перечень, который в самом тексте документа обозначен сокращенно уже как «традиционные ценности». Это позволяет говорить о наличии условно «устоявшегося» и дважды легитимизованного на формально-правовом уровне перечне традиционных ценностей, а также дает возможность рассматривать заявленную «модель традиционных ценностей» как соответствующую подсистему государственного политико-правового механизма.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что если рассматривать данную систему в иерархическом аспекте, то первое место, как и в прежние времена отдается жизни, достоинству и правам и свободам человека. Несмотря на многочисленные, а в отдельных случаях и достаточно радикальные претензии к содержательному наполнению ст. 2 Конституции, данное положение остается неизменным, что находит свое подтверждение в обозначенных нами стратегических программных документах. Таким образом, современная отечественная концепция сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, даже в том виде, в каком она сформулирована на уровне программно-политических документов, содержит в себе очевидное внутренне противоречие. С одной стороны, предлагается избегать «абсолютизации свободы личности», с другой – «жизнь,

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

достоинство, права и свободы человека» поставлены на первое место в «перечне» традиционных духовно-нравственных ценностей россиян, и только потом упоминаются «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству». Признавая некоторую искусственность проблемы ценностного дисбаланса и излишней либеральности базовых положений Конституции РФ, выразившейся в том, что на уровне текста Основного Закона получила свое закрепление несколько идеализированная и в чем-то архаичная модель естественных и неотчуждаемых прав и свобод, которая была призвана подчеркнуть переход к новой системе взаимоотношений между государством и личностью на конкретном этапе исторического развития общества, а также учитывая тот факт, что практика Конституционного Суда РФ наглядно демонстрирует приверженность национальным культурным ценностям и традициям [4, с. 11–12], все-же отметим, что в настоящее время подходы к нормативно-правовому обеспечению идеи сохранения традиционных ценностей, на наш взгляд, должны быть несколько иными.

Таким образом, в современном правовом пространстве России традиционные ценности представлены в максимально абстрактном виде, как часть феномена национальной (цивилизационной) идентичности, без каких-либо уточнений и адекватной конкретизации, что существенным образом затрудняет понимание государственной политики в данной сфере. Не вызывает сомнения тот факт, что категория «традиционные духовно-нравственные ценности» постепенно «осваивает» современное правовое пространство России. В качестве примера также приведем «новую» Концепцию внешней политики Российской Федерации¹, образца 2023 года. В данном документе категория «традиционные духовно-нравственные ценности» используется десять раз. Для сравнения, в «прошлой» Концепции внешней политики такая формулировка не использовалась ни разу. Однако то каким образом и в каком контексте используется данная категория в обозначенной Концепции, особенно исходя из ее представления на уровне других программно-политических документов, вызывает очень много вопросов, которые заслуживают своего отдельного осмысления.

Обращаясь к предпосылкам конституционной реформы 2020 года, можно сказать, что с подачи представителей политической элиты и средств массовой информации произошло эмоциональное вовлечение в процессы конституционного реформирования большей части представителей российского общества. Актуализация проблем делиберализации конституционно-правового пространства происходила на фоне масштабного геополитического кризиса. В этой связи отсутствие в конституционном тексте вопросов защиты исторической памяти, традиционных ценностей в условиях все более обостряющихся геополитических реалий, также вызывало непонимание у большей части общества. Можно сказать, что масштабная конституционная реформа назревала, причем она заранее была легитимизирована, как на уровне конституционной культуры политической элиты так, и на уровне конституционной культуры населения. В обществе сформировался объективный запрос на приведение конституционного текста в соответствие с истинным конституционно-правовым кодом населения, причем как на уровне основополагающих ценностных установок, так и на уровне частичной реорганизации функционирования системы публичной власти. Во главу угла предполагалось поставить «культурологическое» понимание Конституции, предполагающее ценностный подход и историческую преемственность.

Об итогах и результатах конституционной реформы 2020 года, несмотря на сравнительно небольшое время, прошедшее с ее окончания написано достаточно много. Вспоминая о процедурных особенностях ее проведения, в частности не указанной в главе девятой Конституции и соответствующем законе процедуре «общероссийского голосования по поправкам», нельзя не признать данную конституционно-правовую новеллу с политико-идеологической точки зрения удачной, значительным образом поспособствовавшей дополнительной легитимизации конституционных поправок и повышению уровню конституционной культуры россиян. Однако вопросы, касающиеся данной процедуры, остались. В частности, почему законодатель упорно отказывается ее закреплять, как минимум, на уровне соответствующего федерального закона и возможно ли это в принципе, в свете положений главы девятой конституционного текста. Кроме того, не все авторы столь благожелательно относятся к технической части конституционной реформы 2020 года, отмечая отсутствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств, выступающих основанием для изменения традиционного порядка внесения конституционных поправок [12, с. 9–12].

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

Что же касается содержательной части реформы, то соответствующие изменения были положительно приняты большей частью населения и получили свое дальнейшее развитие на уровне отраслевого законодательства, как в части дополнения и развития ценностных основ Конституции, так и в части новелл в сфере организации и функционирования публичной власти. Как отмечается в юридической литературе наиболее важными направлениями конституционной реформы, помимо значительной реорганизации системы функционирования публичной власти в России, стали дальнейшая реализация идеи социального государства [11, с. 21–32] и защита (конституционализация) традиционных национальных ценностей [9, с. 17–19]. Однако, признавая положительный эффект, который оказала конституционная реформа на формирование стратегических направлений дальнейшего государственного развития, не теряет актуальности вопрос – возможно ли, не обращаясь к изменению содержания глав первой и второй Конституции РФ, действительно изменить расстановку приоритетов и окончательно отойти от излишне либерализованной конституционно-правовой модели. На страницах данной работы мы обозначили лишь некоторые «проблемные» статьи первой главы Конституции РФ, однако на деле их значительно больше. И они все еще вызывают активные дискуссии не только у представителей научного и политического сообщества, но и у обычных граждан.

В целом складывается ощущение, что единого ценностного представления о том как должна выглядеть юридическая модель современной российской конституционно-правовой идентичности у современной политической элиты нет. Показательным в этом отношении является вопрос о моратории на применение смертной казни в России, в контексте особенностей его юридического оформления. Не случайно Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы»¹ получился весьма двусмысленным. С одной стороны, Правительству РФ ставилась задача в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу проект федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С другой стороны, палатам Федерального Собрания рекомендовалось обсудить при рассмотрении проекта нового Уголовного кодекса вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь. Подчеркнем не полностью исключить смертную казнь из видов наказания, а лишь сократить количество составов преступлений, за которые она назначается. За последующие почти уже тридцать лет отечественный законодатель, так и не взяв на себя ответственность за полную отмену смертной казни в России, по сути, переложив ее на Конституционный Суд РФ, которому пришлось и вводить², и продлевать³ мораторий на ее применение. Сегодня, когда Россия окончательно разорвала свои отношения с Советом Европы и денонсировала весь блок соответствующих документов⁴, вопрос о ратификации шестого дополнительного протокола уже не стоит. Тем самым некоторую часть аргументов Конституционного Суда РФ, используемых при решении вопроса, о продолжении моратория на применение смертной казни можно признать потерявшими свою актуальность. Однако возвращение

¹ О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы: Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

³ О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

⁴ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

смертной казни в России, на сегодняшний день, так и не состоялось. Никто из субъектов права обращения в Конституционный Суд с запросом о толковании, несмотря на огромное количество политических высказываний, своим правом так и не воспользовался. Т.е. соответствующих призывов, например, со стороны парламентариев мы слышим много, а реальных действий пока не наблюдаем. Вместе с тем, сам по себе вопрос о том, является ли в общественном сознании такая мера наказания как смертная казнь обязательным элементом конституционной идентичности россиян, является достаточно дискуссионным, а часть авторов дают на этот вопрос отрицательный ответ [5, с. 22–47].

Отметим, что даже на уровне концептуального обобщения соответствующей проблематики каких-либо видимых перспектив не наблюдается. Интересным представляется в этой связи резкое изменение отношения к категории «либерализм», отчетливо наблюдаемое на примере политического и юридического сообщества. Если в конце прошлого века данная категория употреблялась в положительном или нейтральном значении, то сегодня, как правило, в негативном. Однако и это не вполне соответствует действительности. Достаточно посмотреть на формулировки, используемые в «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы», в частности, такие как, «либерализация законодательства Российской Федерации в отношении женщин, в том числе женщин, имеющих детей, находящихся в местах лишения свободы»¹. Обращает на себя внимание и само содержание данного документа, в свете обсуждения проблемы традиционных ценностей, однако, это уже тема для отдельной дискуссии.

Список использованной литературы:

1. Андреева Г.Н. Национальная конституция как историко-культурный артефакт. *Конституционное и муниципальное право*. 2023;(9):18–25. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-18-25>.
2. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования. *Журнал российского права*. 2021;(1):77–88. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.010>.
3. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия: монография. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп. М.: Юрист; 2014.
4. Бондарь Н.С., Барinov Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(12):3–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-3-12>.
5. Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь: против и... против. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022;(1):22–47. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>.
6. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов. *Журнал российского права*. 2018;(9):52–64. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_9_5.

References:

1. Andreeva G.N. [The national constitution as a historical and cultural artifact]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2023;(9):18–25. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-18-25>. (In Russ.)]
2. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. [Modern model of constitutional legal order: contours of formation]. *Journal of Russian Law*. 2021;(1):77–88. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.010>. (In Russ.)]
3. Bondar' N.S. [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Series «Library of Judicial Constitutionalism». Vol. 2. 2nd ed., additional. M.: Yurist; 2014. (In Russ.)]
4. Bondar' N.S., Barinov E.E. [Axiology of constitutional worldview. Part I. Constitutional worldview in the value dimension of the updated Constitution of Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021;(12):3–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-3-12>. (In Russ.)]
5. Vinogradova E.V. [Russian constitutional identity. The death penalty: against and... against]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2022;(1):22–47. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>. (In Russ.)]
6. Gracheva S.A. [Development of the concept of constitutional identity in connection with the search for approaches to resolving conventional constitutional collisions and conflicts]. *Journal of Russian Law*. 2018;(9):52–64. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_9_5. (In Russ.)]

¹ Об утверждении национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-п // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 477.

7. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. *Журнал конституционного правосудия*. 2017;4(58):1–12.
8. Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность». *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2018;(16):33–35.
9. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства. *Конституционное и муниципальное право*. 2023;(12):17–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>.
10. Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2019;(9):7–10.
11. Курданова М.Х. Конституционные основы социального государства в контексте конституционной реформы 2020 года. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(5):21–32. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032>.
12. Луценко Е.С. К вопросу о процедуре конституционной реформы 2020 г. *Конституционное и муниципальное право*. 2022;(11):9–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-9-12>.
13. Нарутто С.В. Функции Конституции Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;(10):61–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069>.
14. Осинцев Д.В. Культурный код российской Конституции. *Конституционное и муниципальное право*. 2022;(4):6–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-4-6-10>.
15. Поняев И.М. К вопросу о перспективах создания единой теории конфликта в российской политологической литературе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2017;(5):206–215. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-215>.
7. Zor'kin V.D. [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2017;4(58):1–12. (In Russ.)]
8. Il'in V.N. [Triad S.S. Uvarov «Orthodoxy – autocracy – nationality»]. *Altaiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby*. 2018;(16):33–35. (In Russ.)]
9. Koneva N.S. [Constitutionalization of traditional values: dialogue between society and state]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2023;(12):17–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>. (In Russ.)]
10. Koryakin K.D. [Formation of the doctrine of legal identity in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2019;(9):7–10. (In Russ.)]
11. Kurdanova M.Kh. [Constitutional foundations of the welfare state in the context of the constitutional reform of 2020]. *Actual problems of Russian law*. 2022;(5):21–32. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032>. (In Russ.)]
12. Lutsenko E.S. [On the issue of the procedure for constitutional reform in 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;(11):9–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-9-12>. (In Russ.)]
13. Narutto S.V. [Functions of the Constitution of the Russian Federation]. *Actual problems of Russian law*. 2023;(10):61–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069>. (In Russ.)]
14. Osintsev D.V. [Cultural code of the Russian Constitution]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;(4):6–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-4-6-10>. (In Russ.)]
15. Ponyaev I.M. [To the question of the prospects for creating a unified theory of conflict in Russian political science literature]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 2017;(5):206–215. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-215>. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баринов Эмиль Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emil E. Barinov

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)", member of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation